

Ростовская Старина

Выпуск Ростовского отделения ВООПИИК
и музея-заповедника «Ростовский кремль», № 133

Выпуск подготовила Л.Ю. Мельник

«...Жизнь в Ростове шла тихо - мерно...»

Летом 2006 года состоялось мое знакомство с В.А. Селивановым, потомком известного ростовского предпринимателя П.А. Селиванова; об этом писала газета «Ростовский вестник» в № 70 от 14 сентября. Владимир Арнольдович был столь любезен, что прислал сохранившиеся отрывки из воспоминаний П.А. Селиванова (род. ок. 1910), брата своего деда, полного тезки пра-прадеда. Написанные в разное время (период 1961-1964 гг.), они, несмотря на краткость и некоторую отрывочность, безусловно, очень интересны, перенося нас почти на 100 назад, в Ростов времени его расцвета в начале XX века.

Дом, где жила семья автора, обветшал, но сохранился. Его современный адрес - ул. Пролетарская, 14.

И вот - открывается дверь в «дом с зеркальными окнами»...

Е. КРЕСТЬЯНИНОВА.

Воспоминания П.А. Селиванова

...Как всегда, первые воспоминания детства относятся к зрительной памяти. Отдельные «кадры», фиксирующие обстановку, в которой жил, некоторые встречи, оставившие сильное впечатление на ребенка, события и т.д. Такие картинки сохранились в моей памяти и до сих пор, и первые из них относятся примерно к 5-летнему возрасту (1915 г.).

Это жизнь в Ростове Ярославском, где мы жили в небольшом двухэтажном деревянном доме, хорошо (по тому времени) устроенном и обставленном, имевшем большой участок и много построек - сарай, погреб, конюшни, манеж, баню, маленькую оранжерею, сад. Сначала мы занимали второй этаж, а в первом жил генерал немецкого происхождения. С началом I мировой войны он выехал, и первый этаж был в нашем распоряжении, и помню я именно это время.

Я с братом жил на 1 этаже, в уютной комнате со светлыми серо-зелеными обоями. В другой комнате жили сестры Нина и Надя. Между нами было по 2 года, я старший, потом брат Сергей, потом Нина и последняя - Надежда. Надежда с детства была больна детским параличом и правая половина - рука и нога были плохо развиты. Была свободная комната почти без мебели, пол которой покрывали ковер и в которой были корзинки с игрушками и маленький столик со стульями. К ней примыкала будничная столовая, в которой обедала семья. На первом этаже была кухня и комната няни и кухарки. С нами постоянно жили две племянницы мамы (из трех) Катя, Соня и Галя.

Второй этаж имел спальню родителей, кабинет отца, гостиную, праздничную столовую и свободную комнату для приезжающих. Кухня там

пустовала, и из нее был сделан склад. Дом имел кафельные печи, ванную, промывные уборные, водопровод. Полы были покрыты линолеумом, комнаты хорошо отделаны по проекту отца. Имелся на 2-м этаже балкон, и парадный и черный выходы. Этажи сообщались внутренней лестницей. Дом этот купил дед на троих сыновей (всего у деда было 5 живых сыновей и 5 дочерей, да умерло еще двое). Отец мой - старший. Дом отделивал отец, а его молодые братья жили с родителями, и тогда были холостые (младший лишь на 10-12 лет старше меня).

Отец держал конюшню, в которой, жеребятками дошло до 8 голов, и мечтал вывести специальную породу черных «орловских рысаков». Лошади были хорошие, молодняк он, видно, продавал. Были конюхи, 2 кучера и дворник. Я часто и много бывал на

этой части двора и уже в 6 лет ездил верхом на старой маленькой лошадке, приобретенной в цирке (по старости), которую звали Царевич.

Жили в достатке, по нашей детской жизни излишек не было видно. Одеты были добротно, но просто, ели хорошо, но тоже просто, без шика. Как жили родители, до 17-х-18-х годов мы не видели - это был второй этаж, где мы бывали редко, только когда бывали праздники или изредка при гостях. Общение с другими семьями для нас в памяти не осталось, кроме контрабандных встреч и знакомств с ребятами по соседним домам или с детьми квалифицированных рабочих с завода, на котором отец работал Управляющим и который был близко от нашего дома. Там я часто бывал с отцом и очень интересовался машинами (это сказано громко). С нами была больше мать и ее родственники, вплоть до сестер и чудесной бабушки, которая приносила нам чудесные пирожки с изюмом и такой вкусный черный хлеб. У отца были редкие, я его узнал больше уже с 7 лет [после революции], когда мы жили только на 2 этаже, а впоследствии, только в 3-х комнатах из 10, принадлежавших ему лично по наследству...

лядел неплохим наездником. Отец меня часто брал кататься на каталке или санках, а иногда ездили все в ландо в Борисоглебск, где была дача. Место отличное, лес рядом, дача очень красивая, в русском стиле (по рисунку отца). Играли мы с братом дома больше в строительство из кубиков и книг, девочки были от нас отдельно (они были маленькие).

...На второй год войны отец взял в армию и назначил в тяжелый арtdивизион, который формировался в Лоусино-Островском. Летом мы сняли там дачу, и он часто бывал дома. Много занимался фотографией. Чин его был маленький - бомбардир, и он носил погоны с полосой и бомбой. Пушки были большие. С нарисованной на стволе змеи. Таскали их смешные тракторы, которые часто портились, и взамен прицепляли 3 пары лошадей.

У дома был сад. А летом мы еще ходили на хозтерриторию склада или офицерский сад, где играла музыка...

Выражаем благодарность Владимиру Арнольдовичу Селиванову за возможность публикации воспоминаний П.А. Селиванова. Е.К.

Кто мои родственники

Отец Александр Павлович, сын купца I гильдии, совладельца Торгового Дома «Александр Петрович Селиванов и С^я», имевшем паточный, цикорный, 2 картофелетерочных завода, лавку фирмы по продаже ее продукции и контору с аналогичной лавкой в торговых рядах. Отец родился ок. 1885-1887 г. (в г. Ростове Ярославском). Женится в 1904 году (в Москве, где мы жили до 1813 г., когда умер Дед).

Мать урод. Орлова - Варвара Михайловна 1878 г. рождения - старше отца, дочь церковного сторожа, с 8 лет оставшаяся без отца и воспитывавшаяся матерью Серафимой Евграфовной и сестрами Верой и Анной. Первая - портниха-белощвейка, вторая - учительница приходской начальной школы.

Отец окончил Высшее императорское коммерческое училище (помню, видел диплом). Мать окончила курсы и имела диплом повивальной бабки (тоже видел диплом курсов при Университете в Москве). Брат ее поп, дядя - профессор Римского права Университета в Москве. У него и фабриканта Кузнецова (фар-

фор) она жила в прислугах, когда училась в Москве. Как рассказывала Соня Понтелева (ее племянница), женились они тайком, после случайной встречи, когда моя мать ухаживала за больной матерью отца. Говорят, она была очень красива и отец тоже, во что можно поверить, судя по фотографиям отца времен 1914-1916 гг.

Как они жили в молодости - не знаю, говорят, что после 1913 г., когда отец получил наследство [умер Дед - Павел Александрович, глава Торгового Дома] (до этого он был изгнан из дома и жил в Москве, работая счетоводом в Банке), он много пил, почему мать и изолировала детей от него. Об этом мы узнали после 1918 г. и очень в нем разочаровались...

...10.VIII.64 г. Картинки ранней молодости (до школы) Жизнь в Ростове, когда я ее помню, шла тихо - мерно. Утром мы вставали около 8, прямо к завтраку. Завтрак, как теперь говорят, был стандартный - каша, яйцо всмятку и чай с булочкой с маслом. Булочки были самые свежие, только что выпеченные в булочной напротив. Мать всегда

была с нами, отец, видимо, с ней завтракал позже или отдельно.

Летом мы много времени были на улице. Гуляли с племянницами мамы, а мальчишки часто уходили в конюшню. Помню, я кувырчался в сложенных снопах соломы и провалился в середину клетки вниз головой. Выбраться не мог, был еще в шубе, и пробыл вниз головой долго, пока меня не хватились и по голосу не нашли и не вытащили. Сестра Нина раз, кувырчалась в сене и оказалась с иголкой в черепе, которую мама забыла в ее капоре. Вообще я и Нина были более беспокойные, а брат Сергей-Рева долго пил молоко из соски и был ленив и неподвижен. Надежда была совсем маленькой, и все время с нянькой или мамой.

Вечером мама уезжала часто в гости с отцом, и я скандалил, не хотел без нее оставаться. Вообще любил дразнить Сергея и Надежду, и поэтому они не любили со мною оставаться.

Рано начал ездить на своем Царевиче, который был приучен ложиться, чтобы мне можно было сесть в седло. У меня была черкеска, и я выг-

Из истории ростовских некрополей

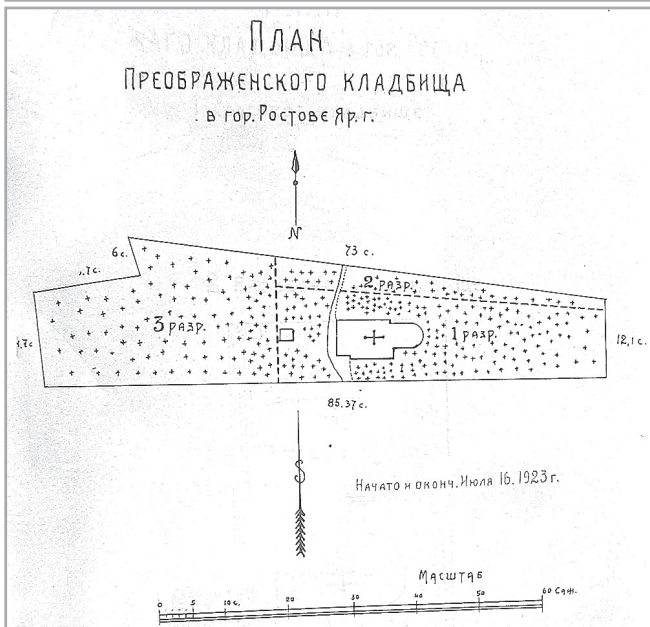
На ликвидации некрополей в Ростове сказались закрытие кладбищенских церквей. В частности, настоятель Преображенской церкви (в народе часто называлась: «Царя Константина и Елены» - К.С.) протоиерей Иоанн Федоровский написал 27 ноября 1929 г. заявление в адм.отдел Ростовского райисполкома о том, что по возрасту и по состоянию здоровья был снят с должности настоятеля Преображенской церкви и уволен за штат. 17 февраля 1930 г. он написал повторное заявление, в котором указывал на «отказ от должности служителя культа и от сана священника и просил считать его простым жителем и гражданином г. Ростова». Церковная община в лице председателя приходского совета Леонтия Константиновича Левского пыталась сохранить храм действующим, но безуспешно, и в итоге была вынуждена просить местные власти отнестись к Спасской общине, находившейся в Красной слободе. 1 декабря 1929 г. собрание прихожан Преображенской церкви Приозерной волости в количестве 85 человек единогласно постановило: «Ликвидировать Преображенскую общину» в связи с малочисленностью прихожан и невозможностью заплатить установленный местными властями дополнительный сбор по страховке за здание. Следует заметить, что с переходом общины в Спасский храм, в него была передана из церкви Преображения Господня икона «Богородица всех скорбящих радости», риза которой вышита из натурального и искусственного жемчуга. (В это время на колокольне храма имелось - 9 колоколов, в т.ч. 1-й - 105 пуд., 2-й - 29 пуд., 3-й - 9 пуд., 4-й - 4 пуд., 5-й - 3 пуд., 6-й - 2 пуд., 7-й - 1 пуд., 8-й - 30 фунт., и 9-й - 19 фунт.).

Еврейское кладбище в Ростове

существовало также, пока была община верующих, а молитвенное здание их размещалось на ул. Володарского в доме № 37, кв. 4 (по спискам верующих 1923 г. прихожан иудейского вероисповедания в городе было 53 человека, а на 29 января 1929 г. - 29). 28 мая 1929 г. председатель общины Абрам Мордоунович Глейхман и секретарь Залман Абрамович Сахар написали заявление в административный отдел Ростовского исполкома с просьбой «не считать существующей еврейскую религиозную общину» с мая 1928 г. из-за небольшого количества верующих. В ответ на это 31 мая 1929 г. зам. председателя Ростовского горсовета Петров письмом за № 1896 уведомил начальника городской милиции о закрытии еврейской религиозной общины и указал сделать опись имущества синагоги. 19 июня 1929 г. комиссия в составе надзирателя 2-го участка ростовской городской милиции Пластинина, представителя общины Глейхмана, Ростовского музея Шлякова и районного финансового отдела Н.Н. Кудрявцева произвела опись имущества синагоги по списку из 20 пунктов, где было, в т.ч., 4 Торы на пергаменте, 2 мешло на пергаменте, 17 хумошиль, махзадши, 17 сидурши, 12 венских стульев.

Подобная участь постигла и приходскую общину Петровского монастыря, когда президиум горсовета на заседании 21 ноября 1931 г., на основании заявления верующих об отказе от помещений, предоставленных для совершения богослужений, утвердил самоликвидацию общины, а монастырские здания передал под охрану местному музею.

К. СТЕПАНОВ.
Окончание
следует.



Иконостас Спасской Ружной церкви

Находящаяся в центре Ростова Спасская Ружная церковь, именуемая иногда церковью Спаса на Торгу, была построена около 1690 г. Точное время выполнения ее настенной живописи не известно. Но обычно она датируется концом XVII в. На восточной стене соборно храма одновременно с указанной росписью создан фресковый или так называемый каменный иконостас, включающий в себя, кроме местного ряда, праздничный, деисусный, пророческий, праотеческий чины и Распятие с предстоящими. Над царскими вратами иконостаса располагается каменная сень на четырех столбах, также расписанная фресками.

Предлагаемая статья посвящена не описанному древнему, а значитель-

но более позднему иконостасу той же церкви. Вертикальные и горизонтальные элементы его деревянной каркасной конструкции оформлены декором из чеканной меди. К сожалению, сохранился он не полностью. Киоты местного ряда, царские врата и нижняя часть чеканного иконостаса утрачены в конце 1920-х годов - середине XX в. До нас дошла верхняя часть иконостаса - с уровня пророческого ряда и выше.

Рассматриваемый иконостас, каким мы его видим на фотографии начала XX в. (ил. 1), сформировался не одновременно. Сначала возникло убранство местного ряда, заслонившее собой нижнюю часть древнего иконостаса. До нас не дошли документы,

которые могли бы свидетельствовать о времени создания киотов, завершённых фронтонами, местного ряда. Судя по стилю, они не могли появиться ранее 1810 - 1840-х годов. В описи церкви 1847 г. эти киоты уже обозначены. Гораздо больше сохранилось источников для атрибуции царских врат данного иконостаса. Важнейшим из них является нижеследующий контракт:

«Тысяча восемь сот сорок третьего года октября дня я нижеподписавшийся ярославский мещанин серебряных дел мастер Федор Климентов Виноградов учинил сей контракт с священнослужителями ростовской Спасской Ружной, что на площади церкви и церковным старостой ростовским мещанином Иваном Денисовым в том, что я новые царские врата медные, чеканная, лучшим образом высеребрёнными с четырнадцатью вызолоченными рельефами на коробках и с шестью для икон во вратах находящимися, ризами, тоже медными, чеканными высеребрёнными с золочеными венцами, равно и в медном высеребрённом сиянии Духа Святаго вызолотить согласен сделать по данному мне рисунку за сто семдесят один рубль пятьдесят копеек серебром и они новые врата представить и повесить на своем месте обязуюсь сроком на великий пятак великого поста будущего 1844 года то есть на 24-е марта...».

Согласно другим хозяйственным документам Спасской церкви, Ф.К. Виноградов выполнил данную работу точно в срок. Зарекомендовав этим себя, надо полагать, с лучшей стороны, он и в последующем продолжал получать заказы от клира и прихожан данного храма. Так, в 1848 г. Ф.К. Виноградов изготовил медные посеребрённые «чеканные ризы для чудес, изображенных на полях образа святытеля Николая Чудотворца». Тогда же он посеребрел ризы «на образах Владимирской Божией Матери и св. мученик Кирика и Улиты». Последние две иконы находились в местном ряду рассматриваемого иконостаса.

Наконец, Ф.К. Виноградов получил заказ на выполнение большой и

необычной работы по изготовлению чеканного иконостаса Спасской церкви. 6 ноября 1851 г. он заключил со священнослужителями Спасской церкви и ее церковным старостой, ростовским мещанином Никифором Григорьевым сыном Ивановым, контракт, в котором, от лица этого мастера, сказано: «Я обязуюсь в холодной церкви их устроить медный лучшей чеканки высеребрённый иконостас в четырех ярусах, с полуколоннами в виде окладов, по утверждению епархиальным начальством моему рисунку, весом отнюдь не более шестнадцати пудов, за сумму девять сот рублей серебром», вся работа должна была быть завершена 1 июля 1852 г. В конце 1851 - начале 1852 г. деревянную основу для этого иконостаса по «рисунку» того же Виноградова выполнил крестьянин из села Каликина Ростовского уезда Петр Александров. Свою работу по созданию иконостаса Ф.К. Виноградов осуществил с конца 1851 по 1852 г. Правда, уже к 27 ноября 1851 г. выяснилось, что указанного в контракте количества меди «согласно представленной» мастером модели на весь иконостас не хватит, и заказчикам пришлось добавить еще два ее пуда.

Иконостас (1851-1852) церкви Спаса представлял собой весьма своеобразное явление эпохи эклектики. При его сооружении была сохранена структура древнего каменного иконостаса, что уже само по себе знаменательно. Фресковые образа этого последнего в 1851 - 1852 гг. лишь получили металлические чеканные обрамления. Прямые аналоги данного иконостаса не известны. Он явно отличается от обычных русских иконостасов.

Вместе с тем рассматриваемый иконостас не представляет собой нечто совершенно изолированное в искусстве своего времени. Он более или менее близок тем деревянным резным иконостасам, которые создавались в середине - второй половине XIX в. с ориентацией на стили барокко и рококо. Треугольные же фронтоны киотов его местного ряда порождены искусством классицизма.

А. МЕЛЬНИК.



Городской голова Оппель

И, наконец, в 1908 году 22 июня произошла торжественная закладка здания гимназии, причем в фундамент здания под актовым залом была заложена медная доска, с выгравированной надписью: «Исполняется здание согласно воле завещателя и согласно решения Ростовской городской думы от 25 января 1905 года, в составе из городского головы А. Х. Оппель, гласных думы: Иванова А.Д., Селиванова П.А. первого, Царькова А.Т., Селиванова П.А. второго, Гуненкова Н.И., Титова А.А. первого, Титова А.А. второго, Казакова И.А., Губичева Ф.А., Бутылина Н.П. и др.».

По мнению ростовской общественности, выраженному в отчете о состоянии гимназии «успешному проведению строительства и основанию гимназии Ростов обязан, главным образом, энергии городского головы Ардалиона Христофоровича Оппель и дружному сотрудничеству в этой работе со стороны членов исполнительно-строительной комиссии...».

В 1913 году А.Х. Оппель было присвоено звание Почетного гражданина г. Ростова.

Ардалион Христофорович был интеллигентным, всесторонне развитым человеком. Высокий рост, косая сажень в плечах придавали ему вид достойного представителя власти, хозяина города. Он заботился о благосостоянии города, хотел, чтобы в Ростове всё было самым лучшим и прогрессивным: будь то электроосвещение, образование или торговля. О мудрости А.Х. Оппель как руководителя свидетельствует речь, произнесенная им в Городской Думе 21 июня 1906 года после вторичного избрания его на должность Городского Головы (А.Х. Оппель был бессменным главой города до 1917 года).

«Г. Гласные! не нахожу слов выразить Вам признательность за оказанное доверие избранием меня Городским Головою.

Отдавая должное прошлому составу Думы, не мало потрудившемуся на пользу родного города, я призываю и настоящий состав г.г. гласных к дружной совместной работе, забывая личные свои счёты и инте-

рессы, так как Городская Дума должна стоять выше всяких интриг и быть в решении вопросов беспристрастной. Самые широкие прения с целью всестороннего освещения того или другого вопроса не только желательны, но, безусловно, необходимы и должны служить коррективами к докладам и проектам Управы и г.г. гласных.

В эту минуту не могу умолчать о том, что мы теперь на заре новой жизни, новых условий, отношений и вообще новых форм человеческого общежития. Славное время и впереди широкое поприще для плодотворной работы, но надо помнить, что чем больше доверия к обществу и чем меньше централизации власти, тем строже и серьезнее должны относиться к себе люди выборные от общества, коим поручено ведение общественных дел, охрана интересов и пользы



населения. В дружном содействии Вашем, г.г. гласные, и ясном понимании своих обязанностей и предстоящих работ я не сомневаюсь, и это придает мне свежее силы к дальнейшей работе.

В следующем заседании Думы я представлю Вам, для сведения перенять тех начатых дел, но еще не оконченных и не решенных по тем или другим причинам, с надлежащими объяснениями. Это даст новому составу Думы скорее войти в курс текущих работ и получить связь с прошлым; что же касается дальнейшей нашей деятельности, то я не намечаю сейчас никаких программ. Слово это конечно звучит эффектно, но в сущности ничего собой не представляет. Начать с того, что все программы одинаково туманны и во всех, разумеется, обещаются всякие блага. Только политические программы намечаются в общих чертах, в принципе, так сказать. Что же касается до программ городского хозяйства, то они, по-моему, должны быть ясны и определены, должны говорить о фактах и нуждах известных и интересных для обывателей и даже для ограниченной группы их. Предлагаю же сейчас здесь общеизвестные фразы и обещания — будет не программа, а только суление журавля в небо. Заканчивая слово, я еще раз низко кланяюсь Думе и, с помощью Божией, перехожу к очередным делам».

Удивительно, что эти слова, произнесенные в начале 20 века — более ста лет назад, актуальны и сегодня!

За свою деятельность на благо Родины А.Х. Оппель был награжден различными орденами и медалями: орденом Св. Станислава 2 и 3 степени, Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Владимира 4 степени, медалью на Александровской ленте в память Св. Коронации Их Императорских Величеств 15 мая 1883 г. и 14 мая 1896 г., медалью и знаком «Красной Крест» в память Русско-Японской войны, наследственным юбилейным знаком и медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых и серебряным знаком в память 50-летия основания Земских учреждений.

**Окончание следует.
Г.С. НОВИКОВА,
Е.Н. ТОПУНОВА,
учителя СШ 4 Ростова.**

На фото: сын А.Х. Опеля Виктор.

Решетка Городского сада

Первая половина XIX в. — период интенсивного строительства в Ростове. В это время были построены Гостиный двор, Емельяновские торговые ряды, Мытный двор; в 1836 г. разбит Городской сад. Благодаря этим постройкам город приобретает новый облик. «Против Мытного двора, — писал сотрудник Ростовского музея древностей П.С. Иванов, — находится Городской сад с его чудесной оградой. Ограда из тридцати каменных круглых столбов, на которых помещаются шары, с вставленной между столбами решеткой простого изящного рисунка, прерывается посредине для входа, образованного двумя мощными пилонами и низкими аттиками. По краям сада сохранились старье дома тюрьмы хороших простых масс и бывшей Титовской богадельни с пилястрами и аттиком. Эти дома вместе с решеткой сада и Мытным Двором напротив составляют прекрасный и типичный уголок города, выдержанный в духе провинциального классицизма».

С момента создания решетки Городского сада прошло более 170 лет. Современное состояние памятника архитектуры вызывает тревогу (фото 1). Между тем, решетка, созданная под непосредственным наблюдением Ярославского губернатора К.М. Полторацкого по проекту губернского архитектора П.Я. Панькова, является одним из наиболее заметных памятников классицизма в Ростове, привлекавшая внимание историков архитектуры еще в начале XX в. Впервые она была опубликована в монографии Г.К. Лукомского «Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства», 1916 (фото 2). Подробно история создания Город-

ского сада и его решетки была изложена в докладе П.С. Иванова, сделанном на заседании культурно-исторической секции Ростовского научного общества по изучению местного края в 1920-е гг. Ниже мы приводим фрагменты рукописи этого доклада.

«А.Я. Артынов пишет об основании сада в Ростовском Летописце под 1830 годом: «Недостаток удобства для обывденной жизни граждан гор. Ростова по предложению градского головы Петра Васильевича Хлебникова предложено устроить городской общественный сад между р. Пигоею церковью архидьякона Стефана».

Губернская администрация, очень внимательно относившаяся в то время к вопросам внешнего благоустройства городов, отпустила деньги на устройство сада. 24 сентября 1830 г. Градской Глава Михайло Иванович Морозов, после поездки в Ярославль к губернатору по городским делам, объявил в Думе «словесное признание Его Превосходительства г. Ярославского Гражданского Губернатора и Кавалера Константина Марковича Полторацкого об отпуске 2й гильдии купеческому брату Петру Васильевичу Хлебникову 500 р. на устройство Городского сада на площади против Стефановской церкви».

Работы по устройству сада велись Хлебниковым около 2 лет. 14 июня 1832 г. Хлебников, в это время уже занимавший должность Градского Главы, представил в Думу уведомление о том, что им на произведенные работы по устройству городского сада израсходовано сверх отпущенных ему на сей предмет по 500 р. асс., еще из собственности его 363 р. 26 к. Эти перерасходованные деньги Хлебников и

просил ему выдать.

Расходы по устройству сада были следующие: куплено 4200 березок; построена вокруг сада канава и вал (247 саж.) с укладкой дерном; куплено 2000 колья для подвязки деревьев, уплачено за поливку и поденщикам за разные работы.



Устройство сада производилось на площади, заключенной между валом (с западной стороны) дорогой к Ярославской улице (с севера), частью Окружной улицы (с востока) и озером (с южной). Площадь эта была образована при проведении в жизнь конфирмированного Екатериной II плана Рос-

това, по которому кривые без всякого порядка прорезанные городские улицы и беспорядочно разбросанные постройки должны были уступить прямым улицам и обширным площадям. Место, где должна была быть по плану площадь, указанное выше было довольно густо застроено домами и домиками посадских людей. Ко времени начала устройства сада работы по приведению в жизнь нового плана, начатые в начале 19 ст., подошли к концу; все место, где по плану должна была расположиться площадь, было очищено от построек. Из старых не по плану до объявления его возведенных построек оставались на площади всего две: церковь Стефана и дом мещанина Щеткина, каменный с каменной палаткой и деревянным надворным строением. Расположен он был приблизительно там, где теперь находится центральная площадка городского сада ближе к Стефановской церкви.

Городской сад пользовался особым попечением высшей губернской администрации, которая подталкивала Думу в работе по устройству сада, разрабатывала план для сада, заботилась об устройстве решетки около сада по составленному в губернии фасаду. В мае 1836 г. губернатор Полторацкий, препровождая план, предписывал Думе городскому сад в «нынешнем лете отделять на щет ассигнованной по табели суммы».

**Публикация Т.В. Колбасовой.
Фото 1. Решетка Городского сада. 2007.**

Фото 2. Решетка Городского сада. Начало XX в. Окончание следует.